

Если Бог избавит меня от алкоголизма, я буду Ему служить

Мы росли в Донецкой области, есть там один адвентист. Его мама была благочестивой христианкой, пришла к нам в Церковь адвентистов из Братства баптистов. Она была настоящая христианка, которая любила собрания, она молилась всегда, она была благочестивая, никогда не вмешивалась ни в какие проблемы, склоки.

Она действительно была примером: пример в молитве, пример порядочной бабушки. У нее было три дочери и сын, все получили высшее образование. Одна дочь работала заведующей поликлиникой (кто знает Донецк – центральная поликлиника возле вечного огня была когда-то), другая была по партийной линии секретарем какой-то области. Сын ее был инженером-наладчиком КИП-автоматики, но постепенно пристрастился к выпивке.

Дочери были порядочные, все три занимали хорошие должности, имели высшее образование. А с сыном дошло до того, что он уже настолько заболел (не знаю, как по-медицински), что ему нельзя было делать операцию, потому что это было связано и с почками, и с поджелудочной. А если делать операцию – надо было затронуть главные нервные сплетения. И врачи подписали ему приговор: ты обречен, идет цирроз печени. Ну, а мама молится, мама обращается к Богу, хотя сын далек от религии, как и все дочери.

Потом, когда его выписали из больницы и сделали заключение, что он обречен (а ему тогда было 24 года), мама убедила его, и он написал в общину, в церковь, письмо: «Я такой-то, моя мама – член церкви, и она учила нас с детства молиться, но мы далеки от Бога и от религии. Но сегодня я в таком положении – молитесь обо мне. Если Бог поможет мне решить эту проблему, я

перед вами даю обещание, что буду Ему служить». Он поставил такое условие.

Он грамотно написал, что хотел бы получить помощь, но он не знает Бога, и даже не знает, как решать эту проблему. По просьбе матери мы читали это письмо перед всей церковью, на то время там была община из 140-150 человек. Пожилые женщины прослезились, но мы специально назначили пост и молитву – есть такое церковное установление в случае серьезной проблемы или нужды, то ли это нужда общества, государства или какая-то конкретная нужда члена церкви или просто просящего.

Сестра этого человека, заведующая поликлиникой, прилагала все усилия. Мы с ним побеседовали, что надо ему со своей стороны прилагать усилия: «Если ты можешь молиться – молись, если нет – прислушивайся к тем рекомендациям, которые дают врачи и мы, как служители. Он, на удивление, пошел на поправку, и говорил: «Сколько раз я доходил до критического состояния, а потом все само решалось».

И он так три раза подряд давал обещание, мы молились, Господь посылал исцеление, а он говорит: «Ну, это, наверное, все само собой, как обычно». На третий раз он попал в больницу к своей сестре, и когда там сделали заключение, сама сестра потом свидетельствовала, что его выписали, чтобы он умирал дома. Потому что не хотели, чтобы в клинику ложился заблаговременно.

И он в последний раз вновь пишет письмо: «Я Бога искушал и один раз, и второй раз, и третий раз. Я раскаиваюсь, я прошу прощения, мне дали вот такой приговор». Мы вновь читали это письмо перед церковью, молились, и Бог послал исцеление.

После этого пришла в церковь его сестра, заведующая поликлиникой, и говорит: «Если бы я не была врачом, если бы он не был моим братом, я бы сказала, что здесь какие-то обстоятельства. Но на протяжении пяти лет я за ним наблюдаю как врач. И когда он пришел вновь к такому состоянию, и когда он в последний раз писал письмо, я пришла к заключению, что он

как умирающий хватается за последнюю соломинку. Говорю ему: «Напиши, вдруг какое-то спокойствие для тебя придет».

Он поправился, сестра пришла в церковь, приняла крещение. Вторая сестра, когда уже начал распадаться Союз и партийная линия, тоже пришла в церковь. А ему 30 лет назад пророчили смерть, но он по сей день здоровствует, и это результат услышанных молитв.

Пастор Степан Дрозд